

Моск. правда 25/III-2000.

Веселый. Автор трагических книг

ДОДНЕСЬ ТЯГОТЕЕТ

Покровке, З. Ваш отец ведь также входил в эту группу, он тоже жил там?

- Да. В это время он переезжал из Самары, откуда был родом, родителей - Ивана Николаевича и Федору Кирсановну Кочуровых. «Дедушка» и «бабушка», как называли родителей Артема не только

мы, их внуки, но и все обитатели дома, в то время были совсем не старые, чуть больше пятидесяти. Но казались молодым обитателям покровской коммуналки стариком и старухой, наверное, потому, что в Москве сохраняли жизненный уклад самарской рабочей слободки. Помню большой кованый сундук, комод под белой вязаной скатертью, зеркало в простенке между окон, кадку с фикусом и цветочные горшки на подоконниках, на

си, документы, письма, фотографии, прижизненные издания произведений отца. В последующие годы архив значительно пополнился из других источников, но корзина с Покровки - его основа.

Отвечу на другой ваш вопрос. Если помните, эпизод «Филькина карьера» в романе «Россия, кровью умытая» заканчивается тем, что не понравилось Фильке на краткосрочных курсах и «умырнул Филька в милицию». Однако «Филькина карьера», вышедшая первоначально отдельной книжкой в 1926 году, заканчивалась по-другому: «В партию Филька прописался, умырнул Филька в чеку». Несколько машинописных страниц, обнаруженных в потаенном архиве писателя, посвящены дальнейшей судьбе Фильки. Стал он вместе с чекистами бушевать по деревням, далеко бежала впереди них недобрая слава. Потом назначили Фильку «комендантом могил», расстрельщиком то есть. Слободские ребята дали ему новое прозвище «комендант в случае чего». О подобных Фильке «комендантах в случае чего» Артем знал не понаслышке. В Самарском архиве хранится анкета, заполненная им при партийной перерегистрации в 1920 году. На вопрос о деятельности после свержения самодержавия он отве-

ти, кроме как пулеметчик. Второй «полурассказ» должен был содержать ответ командира. Номер с «Босой правдой» был майским, а уже 8 мая вышло постановление ЦК ВКП(б) - объявить строгий выговор редакции журнала «за помещение «полурассказа» Артема Веселого («Босая правда», представляющего («полурассказ») однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам».

Судя по личному архиву, Артем считал, что оказался в этом деле прав, - продолжает Зябра Артемовна. - 1 августа 1929 года в «Правде» было помещено сообщение под заголовком «Постановления о льготах бывшим красным партизанам и красногвардейцам не выполнялись». В тот же день аналогичный материал печатают «Известия», особенно выделяя заключительную часть постановления Президиума ЦК ВКП(б) и Коллегии НК РКК СССР о предании суду, невзирая на лица и их должности, тех, кто не выполняет законы правительства. Поверх газетного текста рукой Артема написано несколько слов - написано топорливо, карандашом, а потому неразборчиво. Четко проглядывается только одно слово: ПОМОГ. Но второй «полурассказ» так и не появился.

- О судьбе писателя и его книг можно говорить без конца. Очень много в них своевременных сюжетов, образов, мыслей, обращенных не в прошлое, а в наш нынешний день. Как говорили в старину, «доднесь тяготееет».

Татьяна СЕРГЕЕВА

В сентябре прошлого года исполнилось 100 лет со дня рождения Артема Веселого, автора замечательной книги «Россия, кровью умытая». Юбилейную дату мы прошли, не вспомнив о ней. Впрочем, это характерная черта переживаемого нами периода: нежелание знать и размышлять. Книг Артема Веселого в последние годы не издают, у букинистов их тоже не сыщешь. В школьные программы его творчество не вошло даже фрагментом, даже в обзор.

Но в переломные моменты новейшей отечественной истории, когда призрак смуты, гражданской войны возникает грозно на горизонте, словно бы сами собою являются в общественном сознании, подвигнутые и тиражируемые СМИ, страшные, огненные слова - «Россия, кровью умытая». Название романа, отразившего жизнь России в годы первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций и войны гражданской.

Вышедший из народа, из самарской рабочей слободки талантливый русский писатель Артем Веселый (Николай Иванович Кочуров) прожил жизнь яркую, насыщенную,

привезла изданную тиражом 300 экземпляров книжечку «Золотой черкан» Артема Веселого, которой предпосланы слова: «К 100-летию со дня рождения. 1899 - 1938». В этом юбилейном издании, насколько мне известно - единственном, необычно все. От содержания; прозаик представлен здесь как лирик, автор сти-

прожил жизнь яркую, насыщенную, стремительную, которая была насильственно оборвана. 29 октября 1937 года - на пике сталинского террора - писатель был арестован. 8 апреля 1938-го расстрелян. Не по пасть в маховик массовых политических репрессий такой человек, как Артем Веселый, не мог. Хотя бы в силу природного правдолюбия, умения самостоятельно мыслить и свободно, бесстрашно творить.

После реабилитации писателя в 1956 году его книги, выдержавшие по многу прижизненных изданий, возвратились к читателю. Печатались центральными и местными издательствами немальными тиражами. Выходили за рубежом. «Второе возвращение» Артема Веселого состоялось на перестроенной волне. Всего каких-то 10 - 15 лет назад главная книга Артема Веселого выходила тиражами, которые сегодня, в эпоху коммерциализации издательского дела, кажутся немислимыми - 100, 200 и даже 500 тысяч экземпляров.

И вот наступила полная тишина. Не в писателе, право же, тут дело, его книги выдержали самое суровое испытание временем. Дело в нас. Что-то такое с нами самими случилось. Понижение нравственного уровня общества, что ли, очередное ослабление исторической памяти? На сей счет находим кое-что у Артема Веселого. Начиная «Гуляй Волгу» - роман исторический, о событиях XVI столетия - и работая над ним одновременно с «Россией, кровью умытой», писатель сказал так: «Я взялся за эту тему, помня великодушное выражение Анатоля Франса, что только рабы не помнят своей истории».

С грузом вопросов, сомнений, желанием получить сведения из первых рук я переступила порог квартиры на Сиреневом бульваре, пришла к дочери писателя **Заяре ВЕСЕЛОЙ**.

- Действительно, - говорит Заяра Артемовна, - 100-летие отца в столицах не заметили. Единственно, кто отметил юбилей, так это Ульяновский государственный педагогический университет. Огромная за то благодарность. Там очень любят Артема, регулярно, через год, устраивают Веселовские чтения. Хотя и там по нынешним временам испытывают финансовые затруднения. Мы были с сестрой на первых чтениях, пригласили нас и на третьи, юбилейные.

В Ульяновск Заяра Артемовна

ставлен здесь как лирик, автор стихотворений в прозе, до размера тиража и способа тиражирования - на ксероксе. Последний, впрочем, при вычтен для члена историко-литературного общества «Возвращение» З. Веселой, отвечающей за выпуск серии «Поэты - узники ГУЛАГа». В юбилейный сборник вошли стихотворения в прозе из незаконченного цикла «Золотой чекан» и стихотворение «Пушкин», последнее прижизненно (1937 год) опубликованное произведение Артема Веселого. Такую книжечку Заяра Артемовна подарила и мне.

- Спасибо за книгу, которая уже сейчас является библиографической редкостью.

- Здесь две графические иллюстрации - портрет писателя работы неуставленного художника и лодочка под парусом. Это рисунок Даниила Дарана, его Артем предпочитал все другим как иллюстратора своих вещей. Такое могучее эпическое произведение, как «Россия, кровью умытая», в одном из прижизненных изданий сопровождается изящными, легкими рисунками Дарана. Однажды кто-то из писателей заметил Артему, что, мол, художник сделал совсем не подходящие иллюстрации: не годится Артема Веселого рисовать тонким перышком. Артем возразил: «Что же, по-твоему, меня сапогом надо рисовать?» И сам он зачастую писал **тонким перышком**. Так, в «России, кровью умытой» есть такие слова: «Пути-дороженьки расейские, ни конца вам нет, ни краю... Ходить не исходить, радоваться не нарадоваться... И когда-нибудь у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний смертный час». Даран и Артем дружили. Даниил Борисович бывал на отцовской даче в Перedelкине. Ему принадлежат и последняя из известных фотографий отца в августе 1937-го. Мы вчетвером на гамаке - отец и три его дочери: Гайра, Заяра и Волга. Отец вообще любил яркие, необычные имена. Таков и его псевдоним. Жене по поводу имени ожидаемого ребенка наказывал в письме: «Если сын - Ярмач, если дочь - Заяра». «Ярмаком», а не Ермаком называл Артем главного героя «Гуляй Волги».

- Насколько мне известно, в начале 20-х годов писатели группы «Молодая гвардия» (Михаил Светлов, Юрий Либединский, Марк Колосов, Валерия Герасимова, Михаил Голодный и другие) жили в общежитии на

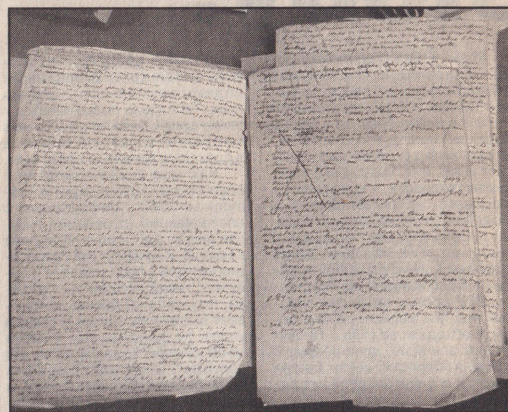

столе большой медный самовар. Возле печки-голландки, где бабушка варила обед в чугунах, стояли, словно в избе, ухваты, сковородник, кочерга. Помню, когда дедушка красил охрой пол, чтобы оставшаяся краска не пропадала зря, прокрашивал и ножи у стульев. Бабушка и дедушка жили в завидном ладу. Артем преданно любил родителей, полностью их содержал, посвящал в свои дела. Сюда приходили его коротышки - три слова - откритки: «Жив. Здоров. Артем». А уезжал он часто. Работая над «Гуляй Волгой», каждое лето отправлялся в путь по сибирским рекам, по Белой, Каме и Волге - плыл на лодке, под парусом и на веслах, собирая материал для книги и, по его выражению, «кормясь с ружья и сети»... В детстве я часто гостила у бабушки и дедушки на Покровке.

С этой квартирой связана и история архива Артема. Отец, чувствуя свой арест, оставил здесь на хранение часть своего архива (многое, взятое при аресте, сгинило в НКВД). После смерти дедушки и бабушки на Покровке остались младший брат отца Василий Иванович Кочуров с женой Клавдией Алексеевной. Люди, далекие от литературы - грузчик и работница столовой, они безгранично уважали труд Артема. Уложив архив в плетеную из ивовых прутьев бельевую корзину, они спрятали ее под кровать, где она и простояла 19 лет до реабилитации Артема Веселого в 1956 году. Уже через два года начали издавать книги отца.

- Что же сохранилось на Покровке? И тут же вопрос вам как публикатору, комментатору и исследователю творчества писателя: что удалось опубликовать из его личного архива?

- В бельевой корзине сохранились ценнейшие материалы: рукопи-

чает: «Сотрудник, а затем секретарь «Приволжской правды», председатель Мелекесского укома партии и контролер Мелекесского ЧК».

- Расскажите, пожалуйста, о «Босой правде», эта публикация с вашим комментарием в пятом номере «Нового мира» в 1988 году имела большой резонанс.

- «Босая правда» первоначально была напечатана в «Молодой гвардии» в 1929 году. И сразу же вызвала резкую реакцию со стороны партийного руководства. Рассказ был задуман Артемом в двух частях. Первая: письмо станичников - бывших красных партизан своему командиру в Москву. Эта часть и была опубликована с подзаголовком «Полурассказ». Здесь говорилось о безрадостных судьбах людей, отдавших здоровье в боях за советскую власть и не имеющих другой специальнос-

Сборник, где сошлись свидетельства-воспоминания двадцати трех узниц ГУЛАГа, в том числе фрагменты мемуаров Заяры Веселой (ее воспоминания о тюрьме и ссылке «7-35» были изданы в 1990 году издательством «Московский рабочий»), называется «Доднесь тяготев». На обложку вынесены слова Салтыкова-Щедрина: «Люди позднейшего времени скажут мне, что все это было и былем поросло и что, стало быть, вспоминать об этом не особенно полезно. Знаю я и сам, что и фабула этой были действительного поросла былем; но почему же, однако, она и до сих пор так ярко

выступает перед глазами от времени до времени? Не потому ли, что кроме фабулы, в этом трагическом прошлом было нечто еще, что далеко не поросло былем, а продолжало и доднесь тяготеть над жизнью?»

Автор имеет здесь в виду, несомненно, крепостное право. У нас же все отзывается болью трагической истории России XX столетия, непреодоленной болью ГУЛАГа не в последнюю очередь. Увы, не утешаются ни ум, ни сердце теми историческими утешениями, о которых так же говорил Салтыков-Щедрин. Поэтому что бежим в страхе своего прошлого. А кто забывает минувшее, неминуемо осужден встречать его в настоящем и будущем.

Именно потому книги Артема Веселого должны быть переизданы. «Россия, кровью умытая» должна найти читателя и в новых поколениях.